

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.7>

Мищенко Татьяна Александровна

[Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне юго-запада Центра России](#)

Цель исследования - доказать эффективность воздействия детских и молодежных организаций 1920-х гг. на формирование новой политической идентичности крестьянства юго-запада Центра России. Научная новизна работы заключается в обращении к процессу смены крестьянской идентичности с традиционной на новую политическую идентичность с помощью различных форм массовой работы в деревне и выявлении удачных проектов воздействия на крестьянство изучаемого региона. В результате показано, что среди форм массового охвата крестьянства региона политической агитацией в 1920-е гг. наиболее удачной было привлечение пионерских и комсомольских организаций, что способствовало продвижению новой политической идентичности из города в деревню и от молодежи к старшим поколениям селян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/7.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 34-40. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

18. Панин С. Е. «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78-108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodazhnaya-lyubov-v-sovetskoj-rossii-1920-e-gody> (дата обращения: 31.01.2019).
19. Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. 136 с.
20. Юмина А. Н. Ненужные дети России [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/nenuzhnye-deti-rossii> (дата обращения: 14.04.2020).

Struggle against Juvenile Delinquency in Yeniseysk Province in the 1920s

Kattsina Tatyana Anatolievna, PhD
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
kattsina@list.ru

Mezit Ludmila Edgarovna, PhD
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
mezit@yandex.ru

The paper aims to identify specificity of organizing juvenile correctional institutions in Soviet Russia in the years of New Economic Policy. The authors examine causes of increasing juvenile delinquency in the Siberian region in the period of New Economic Policy and describe preventive measures that were taken by the state bodies. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on previously unpublished archival materials, the authors analyse regional experience in struggle against juvenile delinquency. The conducted research allows concluding that the juvenile correctional system was not formed during that period, efforts of the state bodies to eliminate juvenile delinquency turned out to be inefficient.

Key words and phrases: New Economic Policy; juvenile delinquency; commissions on juvenile affairs; correctional institutions.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.7>

Дата поступления рукописи: 13.05.2020

Цель исследования – доказать эффективность воздействия детских и молодежных организаций 1920-х гг. на формирование новой политической идентичности крестьянства юго-запада Центра России. **Научная новизна** работы заключается в обращении к процессу смены крестьянской идентичности с традиционной на новую политическую идентичность с помощью различных форм массовой работы в деревне и выявлении удачных проектов воздействия на крестьянство изучаемого региона. **В результате** показано, что среди форм массового охвата крестьянства региона политической агитацией в 1920-е гг. наиболее удачной было привлечение пионерских и комсомольских организаций, что способствовало продвижению новой политической идентичности из города в деревню и от молодежи к старшим поколениям селян.

Ключевые слова и фразы: крестьянство юго-запада Центра России; политическая идентичность; политическая лояльность; активизм; детские и молодежные организации.

Мищенко Татьяна Александровна, к. ист. н., доц.
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
mtapost@yandex.ru

Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне юго-запада Центра России

В 1920-е годы традиционное восприятие крестьянства себя через привычные связи: православной веры, подданства царю, неизменности места проживания и труда на земле, – оказалось более невозможным. Все устойчивые связи и интеракции, подтверждающие идентичность крестьянина, подвергались ломке и поиску новых смыслов. **Актуальным** представляется обращение к изучению опыта создания «новой политической идентичности» для сельского жителя российской глубинки через влияние на молодое поколение, провозглашаемое властью как наиболее перспективное в деле становления «советского человека».

В исследовании конкретизируется ряд **задач**:

1. Артикулировать проблему изменения идентичности сельских жителей через утрату одних элементов и появление новых.
2. Проследить влияние «конфликта поколений» в крестьянской среде и маргинальных проявлений у молодежи на поколенческий динамизм смены идентичности.
3. Охарактеризовать появление различных детских и молодежных организаций в регионе исследования в 1920-е гг.
4. Определить пути влияния пионеров, комсомольцев и «синеблюзников» на формирование политической идентичности крестьянства.

Поставленные задачи позволяет реализовать следующая группа **методов**:

- нарративный анализ – сбор фактов, воспоминаний, повествований, относящихся к предмету исследования;

- историко-генетический – исследование зарождения, развития изучаемого явления с помощью установления причинно-следственных связей;
- ретроспективный – опора на более поздние, известные исследователю данные о советском обществе и проекте советской идентичности для анализа ранних трансформаций крестьянской идентичности в после-революционное десятилетие;
- сравнительный (охватывающее сравнение) – выявление и описание региональной специфики изменения идентичности крупной социальной группы в определенный исторический период (1920-е гг.).

Территориально исследование опирается на материалы юго-западных губерний Центра России (Орловской, Брянской и Гомельской). Эти губернии существовали в 1921-1929 гг. как самостоятельные административные единицы (Гомельская губерния до 1 декабря 1926 г. входила в состав РСФСР), объединялись природными условиями, уровнем хозяйственного освоения региона, этнически близким населением в рамках Восточного Полесья.

Теоретической основой для статьи прежде всего являются исследования феномена идентичности. Само понятие, виды, способы формирования и проблемы управления идентичностью исследуются в рамках гуманитарного знания: культурологии, политической науки, социологии [6]. В психологии проблематика идентичности, кризиса идентичности впервые была обозначена Э. Эриксеном. Он определяет идентичность, прежде всего, как показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой скрыты на предшествующих стадиях онтогенеза. Используя тезис немецкого философа В. Хёсле о понимании идентичности как сохранении формы объекта во времени [25], российские представители политической мысли показали, что идентичность способна изменяться, если меняются порождающие ее условия. В качестве концепции смены и управления идентичностью мы воспользовались трудами О. А. Мирошенкова [18], Е. Б. Рашковского [21]. Мы разделяем утверждение авторов о множественных идентичностях, среди которых выделяются социальные и личные. К наиболее устойчивым социальным идентичностям относят этническую, конфессиональную, гражданскую, социальную. На пути продвижения к конструкту «советский народ», описанному в статье М. Н. Гребенюк «Советский народ: государственно-политический конструкт» [11], мы выделим политическую идентичность, к которой приобщалось российское крестьянство под властными воздействиями в 1920-е гг. Анализу социальных процессов в годы нэпа, так или иначе определивших смену крестьянской идентичности, посвящены следующие современные актуальные научные работы: В. Н. Тарасенко [22] исследует быт крестьянства, в котором в период нэпа сочетаются черты старого и нового укладов; И. Е. Кознова [15] в рамках формирования нового концепта коллективного целого показывает, как важно было крестьянам 1920-х гг. научиться говорить и думать по-советски; О. А. Боева [2] отмечает глубинные изменения в сознании послереволюционного крестьянства и констатирует размытость собственной крестьянской идентичности под влиянием различных эпохальных событий.

Допуская мысль о том, что «воспитание нового человека» под воздействием идеологии большевиков в разных регионах страны существенно различалось, в качестве *теоретической базы* мы опираемся на региональные источники по истории крестьянства: коллективную монографию В. Я. Филимонова, Ю. В. Журова, Д. И. Будаева [24]; ряд статей по региону исследования – И. В. Токаревой [23], Е. Г. Ивановой [13] и другие.

Источниками данной работы послужили публикации в периодической печати 1920-х гг. (газета «Наша деревня» 1925-1927 гг., журналы «Полесский коммунар» 1925-1926 гг., «Коммунар» 1927-1929 гг.), отчеты губернских и уездных органов власти, опубликованные воспоминания первых участников пионерского движения, комсомольцев и «синезлзников» из Брянской губернии, фотоматериалы музеев Брянской области.

Практическая значимость исследования состоит в том, что собранные и проанализированные материалы могут быть внедрены в учебный процесс вуза, использоваться для изучения ряда аспектов региональной истории, для междисциплинарных исследований идентичности социальных групп.

В 1920-х гг. традиционная крестьянская идентичность подверглась разрушениям старых связей либо трансформации, что более заметно в поколенческом аспекте и может рассматриваться как политика борьбы за молодежь и превращения ее в проводника новой идентичности в крестьянскую среду. Е. Б. Рашковский пишет о смене элементов идентичности: «Изменение идентичности наступает в результате увеличивающегося напряжения между старыми и вновь возникшими смыслами (что указывает на кризис идентичности). Идентичность формируется в процессе придания смысла реальности посредством установления или переустановления определенных ценностей. На первой стадии в результате исторических практик в обществе появляются новые смыслы, допускающие другое толкование прошлого и настоящего. На этой стадии вновь выявленные интерпретации оспариваются: они минимальны по своему влиянию на превосходящую силу главного дискурса. Однако на второй стадии вновь возникшие сигналы получают шанс увеличить свое влияние» [21, с. 33].

Конструирование новой политической идентичности должно было восполнить собой прежнее крестьянское самосознание, обеспечить политическую лояльность, получить низовую поддержку мероприятий новой власти не только в нэповский период, но и в дальнейшей перспективе, создать массу активистов, готовых влиять на местные сообщества. Молодежь 1920-х годов, воспитывавшаяся в годы революции, первой мировой и гражданской войн, отличалась большей социальной активностью, чем «поколение отцов», что позволяет описывать поколенческие отношения этого периода в целом как конфликтные. Современник нэповской деревни А. М. Большаков писал: «... в этом процессе большую роль играла революция, которая в значительной мере помогла оформлению личности человека. Молодые крестьяне, прошедшие школу войны и революции, гораздо чаще, нежели в прежние времена, не уживаются в семьях своих отцов, цепко держащихся за старые традиции» [3, с. 23]. Конфликт поколений проявлялся в значительном числе семейно-имущественных разделов, земельных спорах внутри больших крестьянских семей с привлечением местных землеустроительных

органов, изменении брачного поведения, включая новую обрядность: «красные свадьбы», «октябрины», «звездины» [20, с. 156-172]. Характерно, что в периодической печати 1920-х гг., доступной крестьянам, молодежь изображалась наиболее просвещенными, а старики – «старыми и отжившими», в том числе в приемах агрикультуры, стремлении к образованию. В газете «Наша деревня», издававшейся в Брянске в 1924-1927 гг., нередко были заметки подобного характера: «Молодежь все время твердит: “Бросайте несчастную трехполку. Переходите на многополье”. Поняли старики, что молодежь правду говорит, и на весну решили с помощью агронома перейти на многополье». Конфликт поколений звучал и с трибуны беспартийной крестьянской конференции: «Старушка-крестьянка заявляла: “Нам некогда учиться, некогда вздохнуть”. Другая помоложе отвечала ей: на стариков нечего смотреть: их век прошел, а нам молодым, нужно жить, нам нужно учиться, мы хотим знать. Сделайте, чтобы нам не мешали» [Там же, с. 142-143].

«Конфликт поколений» проявлялся и в росте хулиганства и преступности среди молодежи в 1920-е гг., хотя это не было новым явлением, однако в послереволюционное десятилетие приобрело характер отчуждения от традиций и вполне укладывается в модель смены идентичности: массы молодых людей уже не ощущали себя прежними, но еще не стали кем-то новым. О пьянстве, хулиганстве, половой распущенности докладывают с мест органы власти. Из доклада начальника Бежицкой уездной милиции: «Хулиганство приняло угрожающий характер, указанная категория граждан по установившимся традициям не чувствует за собой страха ответственности, не считается с общественными порядками, с уважением к личности частных граждан. В деревнях эта волна хулиганства выражается в брожении пьяных толп по улицам, драках, пении нецензурных песен, обмазывании смолой окон и ворот частных граждан, разгрома клубов, женских собраний и т.д. Из общего количества хулиганства большинство падает на молодежь» [9, д. 514, л. 7]. Данные по Орловской губернии за 1924-1925 гг. свидетельствуют: произошло правонарушений – 892, в том числе 435 краж, 339 случаев хулиганства [7, с. 43]. Среди правонарушений несовершеннолетних в Гомельской губернии в этот период зафиксированы кражи, мошенничества, убийства, нанесение телесных повреждений, самогоноварение, фальшивомонетничество, незаконное хранение оружия [10].

Советские низовые органы власти считали, что хулиганство идет из деревни, проникает в малые поселки вокруг городов, где проживают рабочие, а из этой среды антикультурные явления способны охватить городской рабочий класс. В статье С. Голубева «Обслуживание рабочих, живущих в деревне», напечатанной в 1929 г. в брянском журнале «Коммунар», описывались теневые стороны быта молодежи: «При наличии слабой культурно-массовой работы сильны антикультурные явления. Пьянство в обследованных деревнях носит угрожающий характер. Вот примеры по отдельным деревням: в б/Полпине ежемесячно выпивается до 200 ведер водки, т.е. на 4500 руб., не считая того, что покупается работающими в Брянске. В Супоневе за октябрь месяц выпито 489 ведер, на 10393 р. (без посуды)... Комиссии удалось провести опрос... Опрашиваемые отвечали, что на водку тратится в 2-3 раза больше, чем на газеты, книги, кино, театр и др. виды культурных потребностей... Пьют партийцы и комсомольцы, пьют дети добровольно, а иногда и в принудительном порядке. Анкетный опрос школьников 1-й ступени в Тимоновке и Супоневе выявил, что 29-30% учеников пьют» [8, с. 48].

Соответственно, борьба с молодежной преступностью и асоциальным поведением мыслилась по направлению «из города в деревню», что в целом укладывалось в курс середины 1920-х «лицом к деревне». Рассуждая о том, «что тормозит работу», автор обвиняет местную администрацию и судебные органы: «Отчасти в силу слабой культурно-просветительной работы, а отчасти благодаря недостаточно энергичным мер со стороны административно-судебных органов, хулиганство в обследованных деревнях, в особенности в Тимоновке, Супоневе и б/Полпине носят ужасающий характер. Местами оно граничит с бандитизмом. В некоторых деревнях имеются группы, так сказать профессиональных хулиганов, стремящихся сорвать всю общественно-политическую работу. Вот пример: в дер. б/Полпино в дни 11-й годовщины Октябрьской Революции группа хулиганов ворвалась в избу-читальню и делала попытку избить избача и председателя сельсовета» [Там же].

Выход из сложившейся ситуации виделся в просвещении и управлении массами селян, получении их политической лояльности. Стоит сказать, что среди разнообразных форм политического влияния в деревне в 1920-е были очень удачные: «Часть политических мероприятий советской власти в деревне воспринимались с прежних крестьянских позиций: заботы власти о своих подданных, коллективизма, взаимопомощи. Это землеустроительная и кооперативная политика, деятельность крестьянских комитетов взаимопомощи. Налаживанию диалога между крестьянством и властью способствовали беспартийные крестьянские конференции в 1921-1927 гг. Предоставляя трибуну выражения общественного мнения различным слоям крестьянства, власть выявляла, определяла и стабилизировала настроения крестьянских масс. Проводились отдельные конференции женщин, молодежи. Несомненно, что демократические тенденции прямого диалога между крестьянством и властью способствовали появлению политической лояльности, соотносению себя со властью: “В своих выступлениях некоторые крестьяне напоминали слова Ленина: Мы в долгу у крестьянства”» [19, с. 80]. Ленинский завет о связи с массой связывался в конце 1920-х с проведением выборных кампаний в сельские советы, причем в конкурентной борьбе: «Во второе пятилетие с момента смерти т. Ленина мы вступаем в обстановке активности трудящихся масс вокруг перевыборов советов. Правда, проявляют активность и антисоветские элементы – кулак и нэпман, правда, обостряется классовая борьба, но все говорит за то, что из этой кампании беднота и батрачество выйдут более закаленными и сплоченными» [14, с. 6]. Тексты периодической печати второй половины 1920-х годов показывают, что особое внимание властей направлено на несколько социальных групп сельских жителей: молодежь, женщины, беднота (иногда в союзе с середняками). «Деревенские партийцы, комсомольцы и крестьяне-общественники целиком погрузились в работу по разъяснению сущности и значения перевыборов, по сколачиванию бедняцко-средняцкого блока.

Успехи кампании налицо. Деревня всколыхнулась. – «Крестьянство, пишет селькор Климовской волости, Новозыбковского уезда, – серьезно занялось вопросами перевыборной кампании. Всюду организуются собрания женского актива и молодежи. Работа кипит. Заметно, как зашевелилась деревня, почувствовала, что настала страдная пора общественной работы» [12, с. 37]. В 1929 г. корреспондент из Стародубского уезда Брянской губернии начал свое сообщение о перевыборной кампании советов со сведений о женщинах и молодежи: «Предвыборные собрания женщин и бедняцко-средняцкой молодежи по уезду фактически закончены, но сведения пока поступили в уизбирком по собраниям женщин из 118 сельсоветов или 162 населенных пунктов; собрания молодежи – по 93 сельсоветам или 105 населенным пунктам» [1, с. 43]. Характерно, что автор подметил тактику и активность различных групп женщин и молодежи. Он считал, что заранее объединились зажиточные женщины, они управляют остальной массой крестьянок и противопоставить им можно только активную бедняцко-средняцкую молодежь (Фото 1). «Характерно, что зажиточные женщины раньше всех приходят на собрания и с уже готовым материалом и решением... Кулацко-зажиточная часть получая решительный отпор на собраниях бедноты, актива, старается влиять на более неустойчивый слой населения – на женщин... Относительно посещения собраний молодежью мы имеем гораздо лучшие результаты. Конечно, в этом вопросе нам много помогают комсомольские организации по линии которых проводятся собрания. По 93 сельсоветам или 105 населенным пунктам всего имеется молодежи 9900 человек, присутствовали... 70%» [Там же, с. 43-44]. Автор подчеркивал, что из молодежи в прениях заметнее комсомольцы, а также собрал требования молодежи к органам власти в выборный период: «Что выдвигает молодежь в деревне? Материалы говорят о том, что в большинстве ставят вопросы постройки клубов, избитален, а в селе Ново-Млынка Вороновской волости – молодежь постановила отобрать молельню под клуб и сейчас проводит в этой области работу» [Там же, с. 44].

Комсомольцы 20-х годов — активные организаторы первых пионерских отрядов в г. Брянске.

Фото 1. Комсомольцы г. Брянска. 1920-е гг. [4, с. 9]

Использование молодежных и детских организаций для продвижения политических идей в деревню мы считаем очень удачной формой влияния большевиков на крестьянство, на формирование новой политической идентичности. Это движение также шло из города в деревню, возникая на базе промышленных предприятий в городах и поселках региона. Так, первые пионерские отряды возникли в конце 1922 – первой половине 1923 г. в Клинцах, Володарском поселке, Севском детдоме, Радице-Крыловке, Бежице. Первоначально заметно было влияние скаутского движения, ориентация на гигиену, спорт, физические навыки. В газете «Молодой пролетарий» были опубликованы «Обычаи юных пионеров»: «1. Пионеры не валяются в постели утром, а поднимаются сразу, как ванька-встанька. 2. Пионеры стелят постели своими, а не чужими руками. 3. Пионеры моются тщательно, не забывают мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы – друзья желудка. 4. Пионеры точны и аккуратны» [Цит. по: 4, с. 6]. Пионеры строили шалаши, разучивали песни, устраивали летние лагеря и военные игры. Почти сразу пионеры вместе с комсомольцами включились в агитацию на производстве и в деревне. «В 1923 г. пионерскому отряду при фабрике имени Октябрьской революции было присвоено имя старого большевика Александрова. Пионеры отряда К. Лузанова, Б. Лембрикова, А. Бориско, Н. Валерштейн сочинили свой гимн:

Горит заря свободы жизни новой,
Скорей к труду, не надо лишних слов!
Готов ли ты разрушить все оковы?
О, да! Всегда готов! Всегда готов!

На фабрике имени Ленина организатором пионерского отряда стал комсомолец Ю. Шапошников. Под его руководством ребята проводили большую работу по ликвидации неграмотности среди населения, ходили по домам читать книги» [Там же, с. 7]. Пионеры несли новую социалистическую культуру: организовывали детские площадки, пионерские огороды, выполняли такие задания: «утеплим хлева во дворах бедняков»;

«починим в селю рваные мешки». В таком же ключе – «комсомол на производстве» и «работа в деревне» – освещались достижения комсомольских организаций: «В Думиничах, например. При введении новой системы формовки, партийцы и комсомольцы были первыми, и, при известном сопротивлении части рабочих, вынесли всю тяжесть введения этой системы на своих плечах... В Чернышеве (фанерная фабрика) председатель производственного совещания – комсомолец. Проведены мероприятия по ликвидации простоев завода» [16, с. 56]. В деревне комсомольские ячейки разводили корнеплоды, подталкивали крестьян к травосеянию и многополью, заготовливали дрова для бедняков.

Заметно стремление комсомольцев решать не только производственные задачи, но своим примером демонстрировать новую культуру, трудовую дисциплину: «Что мы имели в 1926 году? Имели рост прогулов, увеличение брака изделий. Заводоуправление каждый день вывешивало приказы с предупреждением прогульщикам, объявлением выговоров и т.д. Большой процент прогулов падал на молодежь. Требовались громадные усилия к изжитию подобных явлений. Комсомол с этой целью на Думиничском и Дудоровском заводах с апреля по август 27 года провел конкурсы на лучшего молодого производственника. В итоге прогульщикам был нанесен сокрушительный удар. На 1 апреля прогулы среди молодежи составляли 2%, а на 1 октября 27 года 0,5%» [Там же, с. 57]. В 1928 г. для пионеров прозвучал призыв комсомола: «Пионеры! В поход за грамотность, за культурный быт!». Пионеры создавали отряды культармейцев, чтобы ликвидировать неграмотность (только одна школа подготовила 400 человек для этой акции). Пионеры объявили акцию «Война бутылкам» и начали борьбу с пьянством среди взрослых. Пионерские организации Брянска и Бежицы провели антиалкогольную демонстрацию. В красных галстуках, с лозунгами «Отец, ты не должен пьянствовать!», «Долой пьянство!», «За новый быт!» пионеры к концу рабочего дня подошли к проходным завода «Красный Профинтрен». Многие заключали «взаимные договоры» с отцами. Ребята брали на себя обязательство быть ударниками учебы, а родители – ударниками труда [4, с. 13].

Огромной силой воздействия обладала художественная самодеятельность. Вспоминает Ольга Титкина, пионерка с 1930 г.: «...я и мои товарищи мечтали стать участниками “Синей блузы”. Так называлась группа старшекласников, которая возглавляла художественную самодеятельность, спортивную работу в школе. Трудно вспомнить, почему она так называлась – “Синяя блуза”. Но хорошо помню, что члены ее всегда выступали в широких синих блузах или синих майках с белыми воротничками. “Синеблузники” принимали в свои ряды только комсомольцев, наиболее “выдающихся” спортсменов или чтецов. Существовали строгие правила приема, своего рода “законы”: хорошо учиться, обязательно обучить двух-трех неграмотных, посадить 4-5 деревьев и участвовать в одном из самодеятельных кружков» [Цит. по: Там же, с. 29]. «Синяя блуза» была не только ярким театральным проектом 1920-х гг., но и своеобразной общественной организацией, в которую стремились попасть школьники и молодежь, которые уже стали пионерами или комсомольцами (Фото 2).

Фото 2. «Синеблузники» поселка Унеча (Брянская область). Начало 1920-х гг. Из фондов Унечского краеведческого музея

Связь комсомола и пионерских организаций между собой постоянно подчеркивалась в печати, а комсомол показывался как форпост партии и профсоюзов среди молодежи. «Комсомол полностью уяснил сущность социалистической организации. Всеми силами помогает он партии и профессиональным организациям...» [16, с. 56]; «IX губернский съезд комсомола (январь 1925 года) отметил небывалый рост пионерских отрядов. Съезд обратился с призывом ко всем комсомольцам губернии: “Ко второй годовщине смерти В. И. Ленина будем иметь на каждого комсомольца двух пионеров!”» [4, с. 7]. Комсомольцев ставили во главе пионерских отрядов, обучали этой работе. И. Чернявский вспоминал: «Ранней весной 1924 г. в Гомеле были организованы первые губернские курсы пионерских работников, на которых учился я. После окончания курсов комсомол отправил меня в Стародубский уезд для организации пионерских отрядов» [Цит. по: Там же, с. 24].

Социальное происхождение было важным: детям торговцев, владельцам крупных мастерских, имеющих наемных рабочих, в приеме отказывали. По воспоминаниям О. Ушкевич, пионерки с 1923 г., в организацию приняла Нину, дочь попа: «Главное, – чтобы поняла идеи, за которые юные коммуны борются!» [Цит. по: Там же, с. 20]. Журналист и краевед из Новозыбкова А. Вольный вспоминал как яркое событие

своего раннего детства праздник Первомая на улице в 1920 г., который объединил детвору бедного еврейского квартала города: «Первые воспоминания об улице Бойнянской уводят меня к 1920 году, к детскому празднику, проходившему на Пяти углах... Как сегодня, отчетливо вижу себя на Пяти углах в один из весенних дней голодного двадцатого года. Здесь, держась за руки, дети водят хоровод. Вперемешку с маленькими, которых родители держат на руках или несут на плечах, идут ребята постарше. Заводилой хоровода является высокий мужчина в кожаном пальто. Вслед за ним движутся дети, распевая песни... И вот я, спустившись с плеч отца, уже стою перед рослым человеком в кожанке. Он вручает мне конфетку и произносит: – С праздником!» [5, с. 44]. В своем очерке ранее А. Вольный описывает себя как ученика и пионера-активиста: «Во второй смене шли уроки для детей служащих. Я, как сын служащего-счетовода, посещал школу имени Калинина» [Там же, с. 7]. Видимо, эти сведения о семье как о семье мелкого служащего были наиболее важны, чем религиозная идентичность. Это не единичный пример приобщения через пионерскую организацию, школу, комсомол к новой политической идентичности еврейского населения края. В исследовании проф. В. Г. Тана-Богораза 1926 г. отмечалось: «Некоторые особо религиозные родители, чтобы спасти своих детей от “крамолы”, изолируют их от окружающей еврейской детворы, не отдают их в советские школы и т.д. Но эти усилия смешны и бесполезны. Комсомол, пионеры, советские школы, рабочие клубы оказывают могучее влияние на психологию молодежи...» [Цит. по: 17, с. 18].

Первые пионеры описывают не только общественно-политические и культурные акции, но и случаи прямого вызова убеждениям взрослого человека, что в прежнем крестьянском сознании (иерархичность, уважение к старшим) было практически невозможно: «Однажды Петька явился в отряд с синяками под глазами. Пожаловался: “Сорвал с меня отец галстук. Кричит: нечего ходить в красном ошейнике”, все пятнадцать отправились к Петьке домой. Нет, отец не был ни богачом, ни врагом советской власти. Просто доползли до него злые. Ядовитые слухи кулаков о пионерах и вот проявилось к ним недоверие. “Отсталый, опутанный ложью человек”, – решили ребята и стали терпеливо разъяснять ему, кто такие пионеры» [4, с. 20].

Таким образом, мы приходим к следующему **выводу**. Молодое поколение выступило проводником новой политической идентичности в деревне. Прежний способ крестьянской идентичности, связанный с подданством царю, православной верой, неизменностью жизни в деревне и трудом на земле, утрачивался либо не проговаривался. Быстрее приспосабливалась к новому и откликнулась на призывы новой власти сельская молодежь, что выразилось в «конфликте поколений», интересе молодежи к политической деятельности, но в то же время маргинализации части сельской и пригородной молодежи региона исследования. Советская власть продвигала свое влияние на деревню в том числе через формирование политической идентичности крестьянства, что мыслилось как политическая лояльность масс и низовой активизм части населения деревни: молодежи, бедняков, женщин. Каналом продвижения агитации большевиков из деревни в город стали детские и молодежные организации – пионерская и комсомольская, которые обладали совершенно новыми средствами и языком: красочная и доходчивая агитация, опора на собственный положительный пример, здоровый образ жизни, приверженность к высоким идеалам и акцент на личности Ленина, популярной у крестьян, готовность нести новую политическую культуру поколению отцов.

Итак, пионеры, комсомольцы и «синезубники» 1920-х гг. юго-запада Центра России мыслились в единстве с партией и задавали новые культурные и политические стандарты для послереволюционного сознания человека в деревне, заменяя постепенно традиционную крестьянскую идентичность на политическую, прежде всего выражавшуюся в лояльности к власти.

Список источников

1. Бельчук. Массовая работа по проведению переыборной кампании советов (Стародубский уезд) // Коммунар. 1929. № 1. С. 43-45.
2. Боева О. А. Базовые детерминанты качественных изменений коллективного сознания крестьянства в Центрально-Черноземном регионе во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX столетия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 131-137.
3. Большаков А. М. Современная деревня в цифрах: экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Прибой, 1925. 111 с.
4. Внучата Ильича: страницы из истории Брянской областной пионерской организации имени В. И. Ленина. Брянск: Брянский рабочий, 1964. 125 с.
5. Вольный А. (Эпштейн А. Г.) Новозыбков и новозыбковцы. Брянск: Редакционно-издательский отдел, 1992. 211 с.
6. Вопросы социальной теории: научный альманах / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Глостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. 528 с.
7. Год работы 1924-1925 гг.: отчет губернского исполнительного комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов XIV Губернскому съезду Советов. Орел, 1926. 207 с.
8. Голубев С. Обслуживание рабочих, живущих в деревне // Коммунар. 1929. № 1. С. 47-50.
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 558. Исполнительный комитет Бежицкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1.
10. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 48. Гомельское губернское статистическое бюро. 1920-1926. Оп. 1.
11. Гребенюк М. Н. Советский народ: государственно-политический конструкт [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2011. Вып. 3 (21). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/769-18.html> (дата обращения: 13.06.2020).
12. Иванов К. Деревня на пере выборах (Краткий обзор по письмам селькоров) // Коммунар. 1927. № 2. С. 37-39.
13. Иванова Е. Г. Крестьянская взаимопомощь и «общественная запашка» в 1920-е годы // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Российская академия наук; отв. ред. Л. В. Милов. Калуга, 2003. С. 143-145.

14. Ильенков В. Без Ленина, но с ленинизмом (к 5-й годовщине смерти В. И. Ленина) // Коммунар. 1929. № 1. С. 3-8.
15. Кознова И. Е. Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 33-41.
16. Комсомол за выполнением партийных директив (Жиздринский уезд) // Коммунар. 1928. № 2. С. 56-59.
17. Конфессии на Гомельщине (20-30-е годы XX в.): документы и материалы / сост. М. А. Алейникова и др.; под ред. В. П. Пинчукова; редкол.: В. И. Адамушко и др. Мн.: НАРБ, 2013. 388 с.
18. Мирошенков О. А. Управление идентичностями: возможности и пределы. Социально-философский анализ // Социология власти. 2011. № 8. С. 12-29.
19. Мищенко Т. А. «Мягкая политическая сила» в процессе смены крестьянской идентичности в годы нэпа (по материалам Брянской и Гомельской губерний) // Аспект. 2019. № 1-4 (9-12). С. 78-82.
20. Мищенко Т. А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: традиции и новации: монография. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. 224 с.
21. Рашковский Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33-39.
22. Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового (историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 161-171.
23. Токарева И. В. Кресткомы и их деятельность в Брянской губернии в 1921-1925 гг. // Общественная мысль, движения и партии в России XIX-XX вв.: сборник научных статей по материалам пятой научной конференции (17 декабря 2002 г.): в 4-х ч. Брянск: РИО БГУ, 2002. Ч. 4. С. 51-59.
24. Филлимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И. История крестьянства западного региона России 1917-1941 гг. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. 336 с.
25. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 112-123.

Young Generation in Constructing New Political Identity in the 1920s in the Countryside of the Southwest of Central Russia

Mishchenko Tatyana Alexandrovna, PhD
Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
miapost@yandex.ru

The study aims to prove that children's and youth's organisations of the 1920s were effective in forming a new political identity among the peasant population in the southwest of Central Russia. Scientific novelty of the work lies in referring to the process of replacing a traditional identity of a peasant with a new political one by employing various forms of mass work in the countryside and in identifying the projects successful in influencing the peasant population of the considered region. As a result of the study, it has been revealed that the most productive form of conducting political agitation among the masses in the 1920s was involving Pioneer and Komsomol organisations, which aided in spreading a new political identity from cities to the countryside and from the young to the older generations of the peasant population.

Key words and phrases: peasant population of Central Russia's southwest; political identity; political loyalty; activism; children's and youth's organisations.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.8>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Цель исследования – определить особенности социально-экономического положения сельских коммунистов 1920-х гг. на примере аграрного региона страны. В статье показаны хозяйства коммунистов «от сохи» – крестьян-землепашцев. *Научная новизна* заключается в комплексном анализе социально-экономического положения сельских коммунистов изучаемого региона в годы нэпа. *В результате* показано количественное преобладание сельских коммунистов над другими группами партийцев в Козловском округе Центрально-Чернозёмной области, определены особенности их социально-экономического положения, выявлена тенденция обособления руководящего сельского состава ВКП(б) от рядовых коммунистов.

Ключевые слова и фразы: нэп; сельские коммунисты; партийные ячейки; крестьянское хозяйство; социально-экономическое положение; колхозное строительство.

Петришина Ирина Дмитриевна, к. ист. н., доц.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
petrishina62@mail.ru

Партийцы «от сохи» 1920-х гг.: социально-экономическая характеристика сельских коммунистов на примере Козловского округа Центрально-Чернозёмной области

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной исторической науке не изучено социально-экономическое положение сельских коммунистов в годы нэпа. Для периода 1920-х гг. характерно